

Анжела Бецко

Как вы, рыбы?

Скупщик памяти

— Едет! Он едет! Сюда! Сюда! — неслось по двору, и все дети знали, кто такой «он».

«Он» — старый седой цыган с бородой и усами, на деревянной ноге, старьёвщик на телеге, запряжённой серой в яблоках лошадию, скупщик памяти, продавец воздуха и безраздельный повелитель детских сердец. В девочкин двор он въезжал царём и победителем. Бессловесным и безусловным. Слова излишни: для победы достаточно взгляда!

Телегу украшали красные атласные ленточки, в которые вплетался ветер. И колокольчик пел серебряно под красной расписной дугой. Повозка останавливалась на двореком пятачке у контейнеров с мусором. Но эта прозаическая деталь ничуть не портила поэзию происходящего. Серая в яблоках лошадь приветливо кивала собранию головой и учтиво позволяла гладить свою неизменно добрую морду. И морда, и голова, и лошадь, и, главное, собрание отлично знали, что настоящая дружба крепка не столько нежными поглаживаниями да лёгкими похлопываниями, сколько хлебом, морковкой, яблоками, финиками, печеньем и белоснежными кубиками сахара-рафинада, а о вреде сахара и пользе фруктов никто и слушать не хотел. Имя лошади было неизвестно: и животное, и хозяин хранили молчание, и это обстоятельство разрешало собранию всякий раз нарекать лошадь по-новому. Впрочем, имя старьёвщика тоже оставалось тайной, как и время его появления на свет Божий и в девочкином дворе, и место его земного пребывания.

Зеваки за секунду облепляли телегу, а самые удачливые устраивались на колесе. И то были зрители. Что касается пьесы, то по жанру это была драма: ещё не трагедия, но уже не комедия. Но о жанрах современного театрального искусства девочка не знала ничего: ей вполне хватало неохватной и высокой — почти до останки дыхания — любви к Его Величеству Театру. А действующие лица со свёртками, связками, узлами и авоськами — как по команде — высыпали из подъездов и устремлялись к режиссёру-постановщику действия — старьёвщику. Он, стоя в телеге во весь рост, окидывал «просителя» с головы до ног оценивающим взглядом, лукаво усмехался в усы и бороду и брал из его рук «товар». У каждого

«товар» был свой: у одного — изношенная одежда, у второго — стоптанная обувь, у третьего — толстые затрёпанные книги, прошлогодние газеты и ненужные письма в пожелтевших конвертах. Несколько семей из девочкиного дома навсегда уезжали в Израиль, и фотографии из прежней, очевидно, не сложившейся и сломанной жизни им были ни к чему, и они несли фотоальбомы. Всю эту россыпь ныне негодного, зряшного и лишнего можно было назвать одним словом — прошлое. И теперь оно особенно тяготило его владельцев и желало быть немедленно продырявленным большим безменом собирателя хлама и выменным на пригоршню безделушек — такова красная цена прошлого в базарный день. Процесс взвешивания «товара» был простой условностью: старая пружина в безмене заржавела и растягиваться давно отказывалась. Но старьёвщик деловито цеплял связку с барахлом на крючок и, прищурившись, пристально вглядывался в шкалу безмена, пытаясь разобрать деления и цифры, стёршиеся, вероятно, ещё в минувшем веке, затем снимал с крючка взвешенное, швырял его в конец телеги и распакивал сундук, служивший облучком и ларцом одновременно. В сундуке жила звонкая, цветная, яркая, сладкая радуга: глиняные горшочки, ступки, зеркальца, мыло, бусы, ленты, заколки, носовые платки, нитки, иголки, напёрстки, свистульки, резиновые мячики, игрушечные пластмассовые часики, крошечные куколки-голыши, скакалки, воздушные шары, школьные тетрадки и золотистые леденцовые петушки на палочке в целлофановой обёртке! И старьёвщик всему двору по кусочку раздавал радугу, как раздают в день своего рождения вкусный торт. Толпа замирала в восхищении, а режиссёр-постановщик пьесы с высоты своего помоста и положения хищно и плутовато взирал сверху вниз на актёров и зрителей. Взгляд, усмешка, поворот головы и вечное многозначительное молчание — так много дьявольского могло быть только... в дьяволе! И девочка была уверена, что старьёвщик — вовсе не старьёвщик, а самый обыкновенный чёрт со всеми чертовскими атрибутами: рогами, хвостом и копытами. Но проверить это она не могла: в любую погоду на старьёвщике были шляпа и сапоги, и даже

в знойный день грязный и мятый его пиджак был всегда застёгнут на все пуговицы. А потом сундук с радугой захлопывался, и, звонко хлестнув лошадь вожжами, старьёвщик (или чёрт?) потихоньку уплывал из девочкиной жизни до нового своего визита.

Бедняк и богач, святой и разбойник, бог и дьявол, великий немой и ловец человеческих душ, он давал мелкие монетки и тем, кто сегодня не продавал память, в надежде, что они сделают это завтра. И если бы он хотел увезти в своей телеге всех детей двора, то с лёгкостью бы увёз. И не против силы, а беспрекосовно, по согласию и доброй детской воле. Но больше любопытных маленьких носов он любил свои сокровища, что составляли его счастье и были его большой вселенной. А она в знак благодарности за покорность и верность ей одаривала его горами никчёмных и бесполезных вещей, от продажи которых он имел мизерный, но стабильный доход. От детей же никакого проку — лишь сплошные расходы, поэтому детская стайка не убывала. И каждый раз, провожая телегу старьёвщика до последнего подъезда пятиэтажки, где царственно раскинулся шиповник, она с грустью смотрела вслед, пока повозка не скрывалась за соседним домом. А в ушах ещё долго слышались скрип колёс и бодрое цоканье лошадиных копыт.

Этот странный старик, пропахший солнцем, ветром, пылью и дождём, немотствующий и видящий тебя насквозь, вместе с отжившими свой век вещами увозил в телеге в неведомую девочке страну человеческую память и своё глубокое знание жизни, оставляя людям в залог в их новой действительности возможность жить с чистого листа и совершать новые ошибки — по беспамятству и незнанию, неискущённости и неопытности.

А через весь двор вдруг опрокидывалась радуга, нарядная, пёстрая и певучая. Но теперь она выплещивалась не из сундука старьёвщика, а из самого девочкиного сердца и застилала небо. А в радуге купались белогрудые весёлые ласточки и под её высокой аркой лепили гнёзда. Ласточка — вестница: она на своём хвосте лето приносит.

Как вы, рыбы?..

Приходит зима, и на душе у девочки делается чисто и светло. Будто там тоже снег — чистый-чистый и белый-белый. Но, в отличие от настоящего, тот снег не гребут дворники, и он никогда не чернеет.

У девочки есть бабушка, и её, как и Богородицу, зовут Мария. Бабушка живёт в деревне. А деревня раскинулась на берегу большого водохранилища. Когда-то заболоченное место с важными журавлями, хитроумными цаплями и приветливыми аистами превратилось в рукотворное море. Журавлей и цапель с тех пор не видно, а молчаливые аисты по-прежнему гнездятся на водонапорных

башнях, вершинах крупных деревьев, высоких столбах, крышах домов и каждый год в длинных красных клювах не забывают приносить людям малюток в пелёнках и с пустышкой во рту. А ещё за деревней — цепочка больших и маленьких прудов с разными рыбами и лягушками, тритонами и улитками, водяными жуками и пауками, блошками и личинками. И между тоненькими нитями полупрозрачных трав беспокойными челноками снуёт-суетится по насущным делам подводный народ, торопясь разрешить до зимы все свои неотложные вопросы.

Деревня вьётся узкой длинной лентой по обе стороны дороги. В доме напротив живёт бабушка Танька Матоты. Низенькая и сухонькая старушка со странным именем Варочка всегда улыбается и, светясь изнутри тихим светом, каким светятся иконы, гладит девочку по голове. Как и девочка, Танька приезжает из города. Матота — совсем гнилой товарищ, как яблоки в саду в год проливных и затяжных дождей, и ей нельзя доверить даже крошечной тайны: вмиг всей деревне разболтает. Причиной гниения яблок может быть и большая яблоня с живущими на ней паразитами. Танькины паразиты запрятаны у Таньки в голове. И ещё на языке, когда он кривляется и говорит обидные слова. Девочка даже заприметила парочку. Ну а главный паразит — ростом с Таньку — сама Матота! Но чтобы не слоняться в одиночку, девочка иногда слоняется с Танькой. Истину великого и мудрого Омара Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало», — девочка пока не постигла, но каждый раз, встречаясь с Матотой, девочку терзают смутные сомнения, и судьба одинокого столба выглядит куда привлекательней бездарного времяпрепровождения с пустоголовой вообразалой и задавакой.

— Задавака — высший сорт!

Куда едешь?

— На курорт.

— На курорте пусто.

Выросла капуста!..

Вообразала хвост поджала

И под печку убежала,

А под печкой крокодил

Вообразалу проглотил!..

Это про Таньку. А Матота — не фамилия, а прозвище. Когда Танька была от горшка два вершка, на вопрос: «Как тебя зовут?» — всем отвечала: «Матота». Так и прижилось. А быть одиноким столбом даже полезно. Только надо быть столбом высоким, чтобы на тебе гнездились аисты! Танькин старший брат Юрка — заядлый рыбак. Всё лето торчит он с удочкой на море и таскает мелкую серебристую рыбёшку, которую не нюхают

даже деревенские коты. У этих котов какой-то особенный вкус, потому что и мышей они жуют с большим одолжением. Зато птичек и их птенчиков в гнёздах—просто обожают! Девочка не раз спасала птичье гнездо, но за каждым котом не уследишь. Красавчик и озорник Юрка постоянно подмигивает девочке правым глазом: наверное, левым подмигивать ещё не научился. Что означает это подмигивание, девочка пока не поняла, но на всякий случай держится с Юркой строго и норовит улизнуть от него подальше.

А зимой девочка с Матотой, Юркой и другими ребятами скользит на пруду. Коньки из города никто не привозит, и девочкины драгоценные бельенкие чешские фигурные конёчки с тремя золотистыми звёздочками на ботинках дожидаются её в шкафу в прихожей. Но можно скользить в сапогах или валенках. Разгоняешься по снегу—и вихрем несёшься по гладкому льду пруда, начиная от самой его кромки. Зеленоватый крепкий лёд выдержит стадо слонов—и бояться провалиться и утонуть не надо! Застывший пруд—словно телевизор с громадным экраном, полотно в сто твоих осторожных шагов, картина такой красоты, какой и во сне не увидишь. А под тобой в глубокой тишине на самом дне целыми стаями неподвижно стоят рыбы. И в лютые морозы вода на дне не замерзает. Рыбы стоят совсем плотно друг к дружке, рядком, головами все в одну сторону. Их тело—как шубой—покрыто слизью. Ни хвостом, ни плавником не шевельнут. Только по едва приподнимающимся жабрам можно понять, что рыбы живы. Просто они спят. Лягушки в тину закопались, улитки раковины закрыли, и весь мелкий подводный народ до весны зарылся в мягкий надёжный ил. И девочка долго—кажется, всю жизнь—лежит на животе, изгнувшись носом в лёд, и во все свои зелёные изумлённые глаза смотрит в спокойные водянистые глаза неведомого мира. Зеркальный пруд—гигантский сияющий «секретик», спрятанный таинственным великаном на снежном берегу. Девочка тоже умеет делать «секретики», но такие необъятные, да ещё с живыми рыбами,—никогда! Уже нос замёрз и даже вмёрз в лёд, но она этого не ощущает, потому что интерес—всё, а нос—всего лишь нос: пустячный, маленький и курносый. А со стороны может показаться, что девочка ловит им рыбу:

«Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!»

«Ясни, ясни на небе звёзды! Мёрзни, мёрзни, девочек нос!»

Загадочный и прекрасный, мир живёт под девочкой своей обычной и непостижимой для неё жизнью и ничуть не замечает девочкиного присутствия. И можно постучаться в его огромное окно:

— Как вы, рыбы?..

А рыбы молчат, а если и пролепечут что-то спросонья, то девочка всё равно не расслышит, ведь говорят они тихие слова очень тихими голосами. А можно, как Иисус, ходить по водам. Пусть и замёрзшим. И не причинять никаких неудобств тем, кто рядом, и не беспокоить их, не тревожить и не обременять. Только любить. Молча и восторженно.

Ребята давно разбрелись по домам, и вокруг—никого. Только снега белая равнина. И синее торжественное органное небо. И разлитое солнце на снегу. И больно глазам. А тишина такая, какая бывает, когда с головой уходишь под воду.

Командир подводной лодки

Баба Агата из шестого подъезда девочкиного дома была легендарной личностью. Сколько ей лет, в точности никто не знал, но все говорили, что она видела живых фашистов. Подробности этой истории были тоже неизвестны, но сам факт её встречи с врагом создавал вокруг бабы Агаты таинственный и героический ореол. Каждый пробегающий мимо сосед считал за честь хотя бы на минуточку присесть возле неё на скамейку: то ли для того, чтобы приобщиться к истории великого подвига в страшной войне, то ли поддержать одинокую, больную бабу Агату.

Её голова была наклонена вперёд, руки согнуты в локтях, пальцы сжаты в кулак. И всё её тело страдало от произвольной бесконечной тряски. Чтобы кулаки не плясали на коленях, баба Агата цеплялась за свою тросточку, и тогда тросточка тоже весело пускалась в пляс. Сгорбленная, еле ковьяляющая на полусогнутых ногах, баба Агата здорово смахивала на живущую в пруду мудрую черепаху Тортилу из любимой девочкиной сказки. И девочка знала, что где-то у себя верно и надёжно баба Агата хранит золотой ключик и передает его самому достойному. Без посторонней помощи ей было невозможно, и в любую минуту ей грозило падение. Говорила баба Агата с большим трудом, зато всегда по делу и о самом главном. Её вечно недоеденную кашу во рту разбирала только Танька Долмат. Она жила в квартире напротив и часто гостила у бабы Агаты. Танька ужасно гордилась своей ролью переводчицы. Всякий раз, возвращая смысл бабы-Агатиной невнятице, Танька будто извлекала золотой ключик из глубокого пруда черепахи Тортилы, полного «лягушек, пиявок и личинок водяного жука». И выходило, что всё самое важное для бабы Агаты заключалось в нескольких словах: «солнце», «дождь», «весна», «трава», «дерево», «птица». Про зиму баба Агата, кажется, ничего не знала. Наверно, она про неё просто забыла, потому что зимой на улице не бывала. Два слова она твердила с упрямым постоянством. Танька ручалась, что слова эти—«анютины глазки». Из уст бабы Агаты звучали они

странно и неожиданно, как, например, «аленький цветочек». Проверить правильность Танькиного перевода было нельзя. Но на клумбе у шестого подъезда росли только эти цветы.

Причин бабы-Агатиной болезни не знали, но у каждого была своя единственно верная версия. Одни уверяли, что баба Агата упала с высокого дерева, другие полагали, что её болезнь развилась после встречи с проклятыми фашистами, третьи твердили про укусы опасного малярийного комара.

Девочка тоже знала историю про комаров. Было это летом в первый год войны. На деревню наступали фашисты. И все жители побежали прятаться в болото. Девочкина бабушка Мария взяла на руки сыночка (было ему полгода) и побежала вместе со всеми. Тучи злых комаров накинудись на людей. Малыш громко плакал. И люди прогнали бабушку, чтобы она их не выдала. Бабушка с сыночком вернулась в деревню. Кроме фашистов, там никого не было. Они уже хозяйничали в её доме, а ей приказали убираться в сарай. До темноты люди сидели в болоте и вслушивались в тишину. Они пытались понять, живы ли Мария с сыночком. Выстрелов никто не слышал, и люди вернулись в деревню. Чтобы фашисты не убили крошку-сына, девочкина бабушка стирала им бельё. Так было три года. Потом пришла наша Красная Армия и погнала фашистов далеко-далеко. После войны болото осушили, и комары пропали. А бабушкин сыночек вырос и стал девочкиным папой.

Во дворе бабу Агату любили и помогали чем могли. Каланча Жанка с третьего этажа бегала в магазин за хлебом и кефиром; толстый дядя Толик из соседнего подъезда привозил из деревни для бабы Агаты красные яблоки и крупные, со сладкой мякотью, жёлтые сливы; Тамара Петровна с первого этажа вела нехитрое бабы-Агатино хозяйство, стирала её одежду, варила супы, пекла пироги и выводила её на прогулку. Свежий воздух и летнее солнце, люди и птицы, кошки и собаки радовали бабу Агату, но в запертой квартире она оставалась одна. Девочка знала, что сначала у неё будет муж, потом пойдут дети. Так бывает всегда и у всех. И у бабы Агаты тоже есть семья. Но занятым людям недосуг носа утереть. И девочка представляла себе, что муж бабы Агаты, к примеру, космонавт. И у него то подготовка к полёту, то месяцы работы на околоземной орбите, а после приземления ему приходится заново учиться ходить. Вот и не может он навестить свою бабу Агату. А сын — капитан дальнего плавания. Ну, или командир краснознамённой подводной лодки. Капитан третьего ранга. И Герой Советского Союза. Как Маринеско. И ему некогда сойти на берег.

Наступила осень. С берёз тихо сыпались жёлтые листья. Всё шире расплзались голубые просветы

в небе. Воздух делался ясней и прозрачней. Низкое солнце уже не грело. Дождей не было. Не было и бабы Агаты. И все знали, что не будет никогда: она умерла. У шестого подъезда на старых кухонных табуретках стоял маленький красный гроб, украшенный широкой чёрной лентой. Люди обступили его и смотрели на затихшую бабу Агату. Её больше не трясло. Теперь её, наконец, отпустило. И девочка со страхом и любопытством вглядывалась в жёлтое высохшее лицо, тёмные провалы глаз, заострившийся нос, бескровные губы и вздёрнутый подбородок. Редкие седые волосы были убраны под праздничный платок, а в сложенных на груди жёлтых руках цвели аютины глазки.

— Явился не запылится! — прорезал тишину знакомый визгливый голос.

Девочка обернулась. В нескольких шагах от неё стоял невысокий человек в чумазых ботинках на босу ногу. Длинные сухие руки выглядывали из рукавов некогда белой сорочки с оторванной пуговицей, вытянутые на коленях, измятые брюки украшало большое масляное пятно. Его всклоченные волосы давно не знали расчёски, а расквашенный нос разнесло на пол-лица. По выпалой щетинистой щеке незнакомца вдруг скатилась крупная слеза, и корявым кулаком он принялся тереть глаз. Руки его дрожали.

— Да кто тебе поверит, выпивоха?! Опять в зюю уклюкался! — раздался тот же голос. — Мать в гробу, а у него черти в глазах пляшут!

Девочка хорошо знала этот голос. Он принадлежал Тамаре Петровне.

— Мать сиротой жила, а теперь и сам осиротел! — снова в сердцах бросила она.

Человек растерянно и глупо улыбнулся, и по другой его щеке скользнула такая же крупная слеза. Он несмело, бочком, подошёл к гробу, склонился к самому лицу бабы Агаты и громко прошептал:

— Прости, мать...

Баба Агата не ответила, но простила. Она прощала всем. Потом на соседских руках маленький красный гроб поплыл в огромную синюю вечность. Девочка шла за гробом и всю дорогу косилась на сына бабы Агаты, пытаясь разглядеть в его глазах пляшущих чёртиков. А он всё беспокойно озирался, будто обронил что-то дорогое, без чего теперь не будет жизни.

Тамара Петровна никак не понимала, что для того, чтобы в последний раз увидеть бабу Агату, командир краснознамённой подводной лодки сошёл на берег. И за самовольное оставление корабля в боевой обстановке ему грозит трибунал.

Вскоре на худенькой шее Таньки Долмат на тонкой верёвочке блестел новый увесистый ключ. И Танька хвасталась, что он золотой.